

чием» (ему же имя «благодать», т. е. Иоанн), по поручению святителя и первого вельможи, было составлено «написание в хартиях» «к инославным ... клятвам». Речь, вероятно, идет о написании дьяком Иваном Тимофеевым, по поручению митрополита Исидора и боярина князя И. Н. Одоевского, какого-то проекта новгородско-шведского договора. «Написание в хартиях» Тимофеева было весьма «благословно» и «полезно» для новгородцев, но два «властолюбца», желая угодить «варварам» и тем упрочить свое положение, добиться «тленных благ», уничтожили его письмо, составив другое, по «хотению» врагов.⁴⁵

Участие Тимофеева в составлении чернового проекта новгородско-шведского договора весьма возможно. Такого рода черновые проекты существовали, и один из них (неизвестно кем составленный) дошел до нас.⁴⁶ Он найден «на полатях св. Софии», т. е. в резиденции новгородского митрополита, и, следовательно, имеет какое-то отношение к деятельности последнего. А судя по рассказу Тимофеева, его «написание в хартиях» было подготовлено согласно указанию новгородского митрополита Исидора. Правда, Тимофеев говорит об уничтожении этого «написания» двумя «властолюбцами», но речь идет, очевидно, лишь о том, что его тексту не был придан характер официального документа, отражающего точку зрения новгородских властей. Черновая же запись могла и уцелеть. Может быть, данная запись принадлежит Тимофееву?

Конечно, это лишь гипотеза, которая никак не может быть доказана и на которой вряд ли следует особенно и настаивать. Но несомненно, что указанный черновик отражал интересы каких-то широких, патриотически настроенных слоев новгородского общества, хотя и вынужденных принять в Новгород шведскую военную силу, но не желавших упрочения шведского господства и стремившихся лишь использовать шведов в борьбе с польско-литовскими интервентами. Таковую же позицию лишь вынужденного признания «иноверных», в угоду которым, однако, не должны быть преданы национальные интересы, занимал, судя по высказываниям во «Временнике», и Тимофеев.

Сравнивая текст новгородско-шведского договора 25 июля 1611 г. с вышеуказанным черновым проектом, мы можем сразу уловить существенные между ними расхождения в условиях. В первом документе шведские интервенты диктуют новгородцам свою волю. В нем говорится, что «по божескому провидению и согласию могущественного и высокороджденного короля Карла» главный военачальник фельдмаршал Я. П. Делагарди «взял штурмом крепость вместе с городом (Новгородом, — Л. Ч.) и хотел даже завоевать каменную крепость (Кремль, — Л. Ч.)», но «ради спасения христиан, дабы не проливать более христианской крови», пошел на уступки новгородцам, согласившимся предаться покровительству «Шведской короны». Далее в тексте идет пункт, по которому русским царем должен стать один из сыновей шведского короля Карла IX, а «всякого рода русские люди» согласны перейти под «управление» «Шведской короны».⁴⁷

Ничего подобного нет в черновом проекте. Там речь идет лишь о союзе («соединенье») «Московского и Новгородского государств» со «Свейским государством», о совместной борьбе «против польских и литовских людей» и об уступке Новгородом Швеции «за почесть» Заонежских поговостов.⁴⁸

⁴⁵ Временник Ивана Тимофеева, стр. 153—154, 331—332.

⁴⁶ ААЭ, т. II, стр. 317—318, № 187.

⁴⁷ Арсеньевские шведские бумаги 1611—1615 гг., стр. 3—4

⁴⁸ ААЭ, т. II, стр. 317—318.